

4. Доклады губернской земской управы по народному образованию третьему очередному губернскому земскому собранию 1915 года. Вып. 1. Ставрополь, 1916.
5. Невская Т. А. Очерки политической и правой истории Северного Кавказа (XIX – начало XX вв.). Ставрополь; Краснодар: УФРС СК, 2006.
6. Невская Т. А. Очерки правовой и политической истории Северного Кавказа (XVIII – начало XX века). Пятигорск: РИА-КВМ, 2009.
7. Невская Т. А. Северный Кавказ в начале XX века. Очерки истории. Ставрополь: СКФУ, 2012.
8. Покотилова Т. Е. Феномен советской интеллигенции в современной реформе местного самоуправления // Местное самоуправление: вчера, сегодня, завтра. Ставрополь: ЗАО «Пресса», 2004.
9. Покотилова Т. Е. Общественная мобилизация в историческом измерении российских модернизационных процессов // Вестник Ставропольского государственного университета. 2011. № 77 (6).
10. Покотилова Т. Е. Общество и власть: из опыта успешного взаимодействия на Северном Кавказе в конце XIX – начале XX вв. // Политика и общество. 2011. № 11.
11. Судаев Н. Д. Земское и городское самоуправление в годы Первой мировой войны. М.; Ставрополь: Изд-во СГУ, 2001.
12. Судаев Н. Д. Ставропольское земство в революциях 1917 года. М.; Ставрополь: Изд-во СГУ, 1999.
13. Gerschenkron A. *Economic Backwardness in Historical Perspective* // Gerschenkron A. *Economic Backwardness in Historical Perspective. A Book of Essays*. Cambridge, 1962. P. 5–30.
14. Loo H. van der, Reijen U. van. *Modernisierung. Project and paradox*. München, 1992.

УДК 94(44).025-94(44).027

С. А. Польская

КОРОЛЕВСКИЕ КЛЯТВЫ КОРПОРАЦИЯМ ПАРИЖА: ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ СТОРОН (XIV–XV вв.)

Статья посвящена анализу дипломатических стратегий королевской власти и совокупности парижских корпораций (в первую очередь городских чиновников и духовенства) в условиях Столетней войны и последующего по ее окончании усиления прерогатив монархии.

Ключевые слова: Французское королевство, посткоронационный въезд, «клятва Королевству» (*leserment du Royaume*), королевское обещание (*promissio*), королевское обязательство (*la cedula*).

S. A. Polskaya

ROYAL OATHS TO PARIS CORPORATIONS: DIPLOMATIC STRATEGIES OF THE PARTIES (THE XIV – XV-th CENTURIES)

This article analyzes the diplomatic strategies of the royal power and the bunch of Paris corporations (primarily, corporations of city officials and clergy) in a Hundred Years' War and following strengthening of monarch's prerogatives.

Key words: Kingdom of France, post coronation entry, «the oath Kingdom» (*le serment du Royaume*), royal promise (*promissio*), Royal obligation (*la cedula*).

Посткоронационный въезд короля (*l'entrée royale*) в столицу своего домена, символизирующий его владетельные права, в основах своих процедур сформировался во Франции уже в конце XIII в.¹ Не-

посредственный момент проникновения за городские стены являлся особым жестуальным актом, когда делегация парижских корпораций выстраивалась в ожидании подъезжающего короля за стенами города (*extra muros*), с тем чтобы не только встретить его, но и вручить ему петицию (*la requête*)

¹ О формировании традиции, ее политических и имагологических смыслах, во избежание повторов, автор считает нужным сослаться на свои предыдущие статьи [12, 15].

с требованием подтверждения прав и свобод Парижа. Примером может послужить встреча следующего монарха, получившего власть вопреки условиям договора в Труа – Карла VII¹: «Когда Париж (примечательно, что он встречает всех монархов, никого не отвергая! – С. П.) предстал перед королем со стороны Сен-Дени, ему явились главы купцов, эшвены и старший представитель городских нотаблей указанного города Парижа в сопровождении клира. За ним выступал глава Парламента, затем – ректор, доктора, магистры теологии и иных различных наук и клир Университета Парижа и члены Счетной Палаты. Король выслушал все обращения, адресованные ему и врученные с почтительным поклоном» [5, р. 73].

Примечательно, что официальные хроники крайне скупо упоминают об этой части церемонии либо вовсе о ней умалчивают. По всей видимости, это продиктовано общим тоном хроник, подчеркивающим в первую очередь королевские прерогативы. С другой стороны, по мере укрепления королевской власти отпала необходимость в подобного рода аргументации города для подтверждения своей исключительности. Ритуал подачи прошения, уходящий корнями в период коммунальной борьбы, прекратил свое существование в конце XIV в., а именно, в 1498 г. при въезде Людовика XII [3, р. 537].

Говоря о ритуале торжественной встречи короля *extramuros*, нельзя не остановиться на анализе социального состава выстроившейся делегации. Как явствует из уже процитированной «Хроники Карла VII», ее возглавляли прево и епископ Парижа. Налицо смещение социальных акцентов: с одной стороны, на первом плане – светские лица, что подтверждало общую тенденцию обмирщения церемоний, с другой – укрепление сословной монархии создало весь комплекс предпосылок для подобного явления. Краткое, но яркое в своей выразительности уточнение в «Анонимной хронике» XV в. подтверждало оттеснение клира на второй план: «в этот день², в XI часов по-

полудни, названный король (Генрих VI Английский, точнее, его дядя и регент, герцог Джон Бэдфорд. – С. П.) ... по прибытии к городу призвал к себе епископа Парижа, который тотчас предстал перед ним» [1, р. 63], в то время как члены Парламента встречали монарха за стенами города согласно указанной традиции. Символическое единение парламентариев и короля было выражено, как уже упоминалось выше, общим цветом их одежд – алым³.

Впоследствии Парижский Парламент добился исключительного права на ношение алых одежд во время *les entrées royales*, придумав и навязав тем самым, согласно верному замечанию С. К. Цатуровой, обществу эту традицию, превратившуюся «...в стратегию репрезентации глав верховного суда» [20, с. 449]. С этого времени, т. е. с 1471 г., Парламент брал на себя ответственность за формирование порядка групп парижан, расходы на проведение церемонии и т. д. [4, ch. 5–9] Таким образом, мы можем констатировать факт вытеснения клира на второй план мирянами – представителями собственно городских и чиновничьих корпораций в ритуале *extramuros* в конце XIV в. Разумеется, это не означало того, что делегация кафедрального и университетского клира вовсе отсутствовала или не играла заметной роли.

Напротив, исходя из данных хроник XIV в., при всей их вариативности, порядок встречающих короля групп в целом был смешанным: клир (кафедральное, приходское, университетское духовенство, представители нищенствующих орденов) во главе с епископом Парижа; глава городских властей (прево, эшвены, нотабли, позже – представители Парламента и Генеральных штатов); представители ремесленных и купеческих корпораций.

должностных лиц королевства, членов Парламента и Счетной палаты, ректора Парижского университета и иерархов духовенства. Казус с коронацией Генриха VI (1421–1471) – третьего и последнего короля Англии династии Ланкастеров, фактически единственного коронованного по всем инаугурационным правилам обеих монархий государем Франции и Англии – в отечественной науке рассмотрен Е. В. Калмыковой [11].

3 О хроматической символике во французской потестарной традиции [см.: 16, 19].

1 Инаугурация Карла VII состоялась 17 июля 1429 г.

2 Генрих VI был коронован 16 декабря 1431 г. Еще ранее, в ноябре 1422 г., Бэдфорд от имени племянника принял присягу главных

Подтверждение королем привилегий и свобод Парижа давало ему символический пропуск в столицу, но фактически свидетельствовало о наличии у центра королевского домена юридического лица, утраченного по мере укрепления сословной монархии по окончании Столетней войны. Дело в том, что в период правления Карла VI и Карла VII (как во время его статуса дофина, так и после инаугурации) Париж являлся средоточием всех сопровождающих Столетнюю войну социальных катаклизмов. На фоне поражений французской армии, междоусобиц Бургиньонов и Арманьяков, явного сумасшествия Карла VI, наконец, захвата Парижа англичанами с последующим регентством Бэдфорда, столица выглядела переходящей от одного кризиса к другому, более глубокому. Внешней, типичной для Средневековья, реакцией на них стало растущее число публичных процессий светского и религиозного профиля. В большинстве случаев они ориентировались на максимально важного зрителя – короля. В итоге на последнем этапе Столетней войны Париж, несмотря на статус сеньориального города, сохранял юридическое лицо, формально требующее королевского признания.

Кульминация дипломатических стратегий приходится на тот момент, когда, вернув Парижу его свободы и привилегии, король повторял свою коронационную клятву и принимал от горожан подарок, который мог быть различным, но обязательно ценным, и помещался под балдахин. «Король (Карл VII. – С. П.) принял ключи от города из рук прево и отдал коннетаблю. Эшвены подняли над его головой балдахин, который несли до конца церемонии» [2, р. 348]. Подарок в виде золотых символических ключей, уже неоднократно упоминаемый выше, был, по всей видимости, продиктован желанием Парижа выразить свое восхищение военными победами Карла VII, что не отражает вариативности процедуры, когда подарком мог выступать другой ценный предмет. Так, при встрече Людовика XI «жители города пожертвовали на упряжь королевской лошади драгоценные камни на тысячу эю – сумму,

огромную для того времени. Это было сделано, чтобы поддержать честь города ...» [2, р. 357].

Что касается повтора коронационной клятвы, точнее, «клятвы Королевству» (*le serment Royaume*), то ее содержание в ходе королевской инаугурации (*lesacreroyal*) постепенно расширялось и в итоге было сведено к пяти основным пунктам¹: покровительства Церкви, правления справедливого и милосердного и борьбы со всякого рода ересью². Карл V дополнил ее содержание, введя в него новое, пятое по счету, условие – принцип правовой неотчуждаемости (алиенации) земель, когда-либо принадлежавших короне, что послужило еще одним залогом укрепления монархии³. На первый взгляд, эти условия не имели непосредственного отношения к Парижу, однако если иметь в виду то, что «клятва Королевству» обращалась ко всем подданным без исключения и имела юридически закрепленную формулу, публично произнесенную на инаугурации с положением правой руки на Священное Писание и, следовательно, приобретала высшую юридическую силу (*juramentum*), то повтор перед воротами Парижа перед всеми его корпорациями представлялся вполне закономерным. Разумеется, с упрочением монархии и перерастание последней в стадию абсолютизма королевская клятва изжила себя, став пустой формальностью, равно как и подача прошения, начиная с уже упомянутого въезда Людовика XII в 1498 г.

Наконец, вступив в город, король продолжал репрезентировать свои прерогативы с помощью регалий, выбор которых в данном контексте тоже являлся дипломатической стратегией, подтверждающей юридическую силу клятвы. Присутствие в кортеже короны, меча и «руки Правосудия»

1 Об их становлении см. подробнее [19].

2 «Я клянусь именем Иисуса Христа христианам, моим поданным: сначала я приложу все силы, чтобы христианский народ жил в мире с Церковью и Богом. Я сделаю так, чтобы прекратить грабительские и захватнические войны. Я буду править так, чтобы любой мой суд был милосерден к вам. Я приложу все усилия, чтобы моей властью и верой изгнать с земли на законном основании всех еретиков, отказавшихся от Церкви» [7, р. 75].

3 «И я неукоснительно сохраню суверенитет, права и достоинство короны Франции, и я не изменю им и не откажусь от них» [7, р. 75].

в правой руке короля, исходя из их семантики¹, акцентировало внимание присутствующих на всеобъемлющей власти монарха, основой которой являлись защита подданных и справедливость. То, что король демонстрировал Парижу именно эти прерогативы, совершенно логично в сочетании с ритуалом встречи короля за воротами Сен-Дени, подачей петиции и подтверждением ее пунктов. Париж ожидал от короля гарантий и защиты, и поэтому изначально сакральный смысл регалий был отодвинут на второй план.

Дополнительным подтверждением тому служила их перестановка, когда на первый план выходила самая светская из всех инсигний – королевский меч (как символ защиты и правосудия), а также дополняющие его доспехи. Так, если при въезде Карла VII первенство было отдано короне (ее еще предстояло получить на предстоящей инаугурации), то в случае с l'entrée royale Людовика XI – мечу, который нес коннетабль. Карл VIII и Людовик XII использовали только шлем, а Франциск I отказался от всех регалий, кроме меча [3, р. 520, 521]. Кроме того, усиление потестарных функций монархии выразилось и той знаковой практикой, когда уже при въездах Карла VII в провинциальные города (в частности, в Руан в 1449 г.) покрытая лазурной с золотыми лилиями попоной лошадь, за которой следовал канцлер, везла сундук с печатями короля [5, р. 160–162]².

В итоге повтор «клятвы Королевству», вручение помазанному и коронованному монарху, облаченному в соответствующие случаю цвета своих одежд и регалии, прощения о признании городских установлений, проникновение его внутрь парижских стен и получение символического дара – все это представляется обменом целой серией символических стратегий, которая не исключала и своеобразных дипломати-

ческих усилий сторон и в основе которой во многом находился договорной принцип взаимоотношений.

Однако этим королевские обещания не исчерпывались. По аналогии с *le serment du Royaume* во время инаугурации монарх давал свое публичное *promissio* Церкви сохранять и защищать ее канонические привилегии³, что означало охрану короной не только духовной составляющей, но и сословной юрисдикции клира, всех форм его собственности. Любопытно, что тексты ординариев указывают на письменный характер этого соглашения: Церковь не ограничивалась устной формулой, как в случае с «клятвой Королевству». Более того, только после подписания *promissio* посвящающий прелат приступал к помазанию, коронации и сопровождающемуся благословениями вручению регалий. Следовательно, формально в противном случае это означало отказ в проведении инаугурации.

Аналогичная сцена разворачивалась и в процессе въезда, точнее, проезда короля по Парижу, когда кортеж останавливался у собора Нотр-Дам. Для этого, пройдя улицу Сен-Дени, процессия продвигалась в сторону Ситэ, для чего приходилось поворачивать у Шатле в сторону Моста Менял (*Pont-au-Change*). Конечным же пунктом маршрута являлся собор Парижской Богоматери. Здесь, на паперти, происходила последняя фаза церемонии, представлявшая ее второй кульминационный момент и выдвигавшая на первый план парижский клир. Процедура, согласно клише хроник, выглядела следующим образом: «Король (Иоанн II. – С. П.) с видимым удовольствием пересек город до собора Нотр-Дам. Епископы и каноники вышли к нему процессией и запели гимны и кантаты, открыв текст Евангелия ...» [6, р. 57]. Описания хронистов, возможно, оставались бы единственными свидетелями происходящего, если бы не особый

1 В данном случае во избежание повторов автор считает возможным сослаться на некоторые из своих статей, посвященных происхождению и толкованию символики регалий французской короны [14, 17, 18].

2 Отделение регалий от короля трактуется исследователями как реализация известной теории «двух тел короля». См. подробнее [3, р. 530–534; 20, с. 445].

3 Как предписывает, например, еще *ordo* Фулрада X в. обращение короля к епископату: «Обещаю вам и обращаюсь как к первому из вас, так и к сообществу знатных священников сохранить и защитить ваши канонические привилегии согласно закону, который был учрежден изначально, поскольку король в своем правлении должен быть един с епископами и священниками, и это единство должен подтверждать исполнением своих обязательств» [8, р. 35].

порядок происходящего, требующий документального подтверждения. Как и при инаугурации, в данном случае монарх подписывал заверенный нотариальный акт о привилегиях Церкви, который закреплял их официально, заодно прописывая и процедуру. Так, акт, подтверждавший въезд Иоанна II, уточнял: «...прежде чем останавливаться где бы то ни было, он направился к кафедральному собору Парижа, двери которого были закрыты. Затем двери открылись... к нему приблизились торжественной процессией и с великой пышностью множество прелатов, епископов, аббатов... все одетые в шелковые шляпы, неся распятие, кадила, канделябры, лампы, книги в золоченых окладах и все предметы, которые обычно используют в процессиях с целью, чтобы их путь был благопристойен и достоин, насколько возможно» [10, р. 49–50].

Однако традициями устного права, как уже упоминалось выше, в данном случае не ограничивались. Перед вновь закрытым притвором собора (что красноречиво символизировало границы полномочий) клир во главе с епископом Парижа (как перечисляет акт клятвы: «От собора Парижа выходят пэры и сеньоры во Христе, монсеньоры Людовик, архиепископ Санса, Жак, епископ Парижа, Жан Тюдер... и остальные пэры во Христе, монсеньор Гильом, аббат указанных Сен-Дени во Франции, аббат Сен-Жермен де Пре около Парижа, Робер, аббат Сен-Женевьев-Мон в Париже, Жан, аббат Сен-Мэр де Фоссе и Пьер, аббат Сен-Маглар, все одетые в свои священнические одежды» [9, р. 81–82]) подавали королю письменное обязательство (*lacedule*), содержащее следующий текст: «мы просим Вас гарантировать каждой из наших церквей Ваше поручительство, сохранить в силе наши канонические привилегии, наш статус и нашу юрисдикцию и помогать нам своей защитой, уделяя внимание каждому епископу в своем королевстве, и поручить церкви каждому из них» [10, р. 51]. Примечательно, что *la sedula* означает «обязательство, имеющее хождение наравне с векселем». Именно на этом основании

св. Павел полагал обязательством и обряды, при необходимости свидетельствующие о тех, кто такое обязательство выдает: истребив учением бывшее о нас рукописание, которое было против нас» (Кол. 2:14). Так что монарх в данном контексте принимает и моральное, и материальное обеспечение своего действия.

Король, разумеется, подтверждал предложенный ему текст, заверяя клятву, держа руку на Евангелии, завершая сказанное кратким: «Я желаю и обещаю» (*Je le veux et le promet*)» [9, р. 85–86]¹. Содержание текста клятв и форма присяги также схожи (в обоих случаях от монарха требовалось покровительство и защита клира, при этом клятва давалась на Евангелии), что позволяет нам предположить традиционность указанного ритуала, имевшего явно универсальный характер. Причина этого явления кроется, на наш взгляд, в особом статусе Парижа и относящегося к нему епископства, поскольку в церемонии *l'entrée royale* в провинциальные города подобный ритуал не был предусмотрен.

О важности для подобного клира выполнения *la sedula* свидетельствуют две формальные процедуры: во-первых, она разворачивалась перед закрытой дверью собора, которая открывалась по принятии королем предложенных ему условий, символизируя его окончательный «пропуск» в Париж с одобрения уже духовенства, поскольку светская городская среда уже получила от него те же гарантии за городскими стенами. Однако в случае с парижским духовенством договорной принцип был доведен до своего логического конца: он подписывался свидетелям и закреплялся нотариусом как юридический акт. «Епископ и настоятель Парижа обратился к нам, нотариусам, засвидетельствовать эти церемонии. Все это записано, как мы видели, в год, индикцию, месяц, день, час и год правления указанного понтифика; настоящим заверяем и персонально утверждаем вышесказанное – мэтры Жан де Валле, член двора Парижа, Бертран Пинон, кюре де Сузи, округа Па-

1. Подобным же образом оформлена и клятва Иоанна II [10].

рижа и т. д.» [9, р. 83]. Примечателен и тот факт, что в сохранившемся благодаря нотариальным минутам¹ обращении епископа Парижа к Карлу VII содержится напоминовение на наследственный статус *promissio*: «Всехристианнейший король, наш суверен и правомочный (*droicturier*) сеньор, святые и всехристианнейшие короли Франции, ваши предки, которые почитаемы и любимы Богом и Церковью, в соответствии с обычаем после своего помазания и посвящения, в первый день торжественной встречи в вашем городе, они сначала шли в церковь; и затем... давали первую клятву Церкви, а также всем святым и вашим предкам» [9, р. 85].

При этом клир не оставался единственной стратой, перед которой монарх давал отдельное обещание о сохранении привилегий. Так, со второй половины XV в. была введена дополнительная процедура, когда

по окончании мессы к нему с торжественной речью обращался ректор Парижского университета, итог которой знаменовался подтверждением и гарантией прав и свобод возглавляемой им корпорации.

Приобретя силу традиции, королевские клятвы, *adsumtum*, выступили ярким средством формирования и поддержания культа монархии на основе взаимных договоров и обещаний. Проведение королевского въезда имело целью не только подтверждение прав города, но и объединение подданных вокруг монарха – главного действующего лица церемонии. Задача отстаивания собственных интересов выглядела наиболее актуальной на фоне Столетней войны, когда Париж заявлял о себе перед целой плеядой королей (не исключая и англичан). Эти стратегии способствовали разработке репрезентативных функций монархии и выступали средневековой по форме, но отлаженной при этом системой дипломатических стратегий.

1 Т. е. по составляемым нотариальными копиям

Литература

1. *Anonyme // Les entrées royales françaises de 1328 à 1515 / éd. de Guennée B., Lehoux Fr. Paris, 1968.*
2. *Bevy Ch. Histoire des Inauguration des rois, emperueurs et autres Soveraines de l'univers, depuis leur origine jusqu'à présent. Suivie d'un précis de l'état des Arts des sciences sous chaque Regne des principaux faits, mœurs, coutumes et usages les plus remarquables des François, depuis Pepin jusqu'à Louis XVI. Paris, 1618.*
3. *Bryant L. M. Le cérémonie de l'entrée à Paris au Moyen Âge // Annales ESC, mai-juin 1988.*
4. *Bryant L. M. The King and the City in the Parisian Royal Entry Ceremony. Politics, Ritual and Art in the Renaissance. Geneva, 1986.*
5. *Chronique de roi Charles VII // Les entrées royales françaises de 1328 à 1515 / éd. de Guennée B., Lehoux Fr. Paris, 1968.*
6. *Chronique de Saint-Denis // Les entrées royales françaises de 1328 à 1515 / Éd. de Guennée B., Lehoux Fr. Paris, 1968.*
7. *Ordo de Charles V // Godefroy Th. Le ceremonial franeoiois. Contenant les ceremonies observees en France aux Sacres et Couronnements de Roys et Reines, et de quelques anciens Ducs de Normandie, d'Aquitaine, et de Bretagne: Comme aussi à leurs Entrees soulennes: et à celles d'aucuns Dauphins, Gouverneurs de Provinces, et autres Seigneurs, dans diverses villes du Royaume, recueilli par Theodore Godefroy et mis en lumière par Denys Godefroy. T. 1–2. P., 1649.*
8. *Paris Bibl. Nat. MS lat. 12052. fo 21 v (the Ratold Sacramentary) // Ward P.L. An Early Version of the Anglo-Saxon Coronation Ceremony // English Historical Review. 1942. № 57.*
9. *Serment prête par le roi Charles VII à la cathédrale de Paris à l'occasion de sa première entrée dans la capitale // Les entrées royales françaises de 1328 à 1515 / éd. de Guennée B., Lehoux Fr. Paris, 1968.*
10. *Serment prête par le roi Jean II Bonne à la cathédrale de Paris à l'occasion de sa première entrée dans la capitale // Les entrées royales françaises de 1328 à 1515 / éd. de Guennée B., Lehoux Fr. Paris, 1968.*
11. *Калмыкова Е. В. Почему «блюдо» герцога Бедфорда пришлось парижанам не по вкусу? // Город в Античности и Средневековье: общеевропейский контекст: доклады международной научной конференции, посвященной 100-летию г. Ярославля / отв. ред. В. В. Дементьева. Ч. II. Ярославль: Изд-во Ярославского гос. ун-та им. П. Г. Демидова, 2010.*

12. Польская С. А. Диалог города, клира и короля в процедуре церемонии королевского въезда в Париж в XIII–XV вв. // *Средневековый город: межвуз. научн. сб. / отв. ред. С. М. Стам. Вып. 15. Саратов: Научная книга, 2002.*
13. Польская С. А. Комплекс французских королевских регалий и формирование образа *rex christianissimus* // *Политическая культура Средних веков и раннего Нового Времени / отв. ред. А. К. Гладков. М.: Наука, 2015 (passim).*
14. Польская С. А. Образ монарха и образ Парижа в процедурах посткоронационного въезда (XIV–XV вв.) // *Историческая наука и образование в начале XXI века: проблемы и перспективы развития. К 70-летию факультета истории, философии и искусств / отв. ред. И. В. Крючков. Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2015 (passim).*
15. Польская С. А. «От красного цвета – алый, от чёрного – фиолетовый, от зелёного – жёлтый»: хроматическое решение литургии в трактате Джованни Лотарио Конти «О святом таинстве алтаря» // *Гуманитарные и юридические исследования: научно-теоретический журнал / гл. ред. И. В. Крючков. 2014. Вып. 1.*
16. Польская С. А. Сакральная и воинская символика коронационного меча французской монархии IX–XV вв. // *Война и сакральность: материалы Четвёртых Международных научных чтений «Мир и война»: культурные контексты социальной агрессии (Санкт-Петербург – Выборг – Старая Ладога, 1–4 октября 2009 г.) / отв. ред. И. О. Ермаченко, С. М. Капилупи. М.; СПб.: ИВИ РАН, 2011.*
17. Польская С. А. Сакральная и политическая символика комплекса регалий французской монархии (IX–XV вв.) // *Cogito: Альманах истории идей / отв. ред. А. В. Кореневский. Вып. 5: Foundation. Ростов-н/Д.: DSM Group, 2011.*
18. Польская С. А. Семантика цвета в образе власти французской средневековой монархии // *Культурные коды Средневековья / отв. ред. А. К. Гладков. М.: Наука, 2015 (passim).*
19. Польская С. А. «Суверенитет, права и достоинство короны Франции...»: юрисдикция монархии в инаугурационных клятвах французских королей (IX–XIV вв.) // *Искусство власти: сборник в честь Н. А. Хачатурян / отв. ред. О. В. Дмитриева. СПб.: Алетейя, 2007.*
20. Цатурова С. К. Формирование института государственной службы во Франции XIII–XV веков. М.: Наука, 2012.

УДК 947 (470)

А. Н. Птицын

УЧИТЕЛЯ-ИНОСТРАЦЫ СТАВРОПОЛЬСКОЙ МУЖСКОЙ ГИМНАЗИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

В статье рассматривается педагогическая деятельность учителей иностранного происхождения в Ставропольской губернской мужской гимназии, прослежива-

ются их биографии, характеризуется вклад в развитие данного учебного заведения.

Ключевые слова: учителя, иностранцы, чехи, гимназия, Ставрополь.

A. N. Ptitsyn

THE FOREIGN TEACHERS OF STAVROPOL MEN'S GRAMMAR SCHOOL IN THE LATE XIX – EARLY XX-s.

The article examines the pedagogical activities of teachers of foreign origin in Stavropol regional men's grammar school. The author analyzes their biographies and their

contribution to the development of the given educational institution.

Key words: teachers, foreigners, Czechs, a grammar school, Stavropol.

В дореволюционной России была широко распространена практика приглашения в высшие и средние учебные заведения ев-

ропейских преподавателей. Во второй половине XIX – начале XX в. в нашей стране не было, вероятно, гимназии, где бы ни служи-